

Полюс первый, Южный. Точка отсчета

Весной 1985 года экспедиционное судно «Михаил Сомов» оказалось в ледовом плену у берегов Антарктиды, в самом, пожалуй, удаленном и труднодоступном месте земного шара. Шел уже пятый месяц дрейфа, надежды на спасение таяли с каждым днем.

Мы вышли на верхнюю палубу. Абсолютное безмолвие и темноту полярной ночи вокруг нарушали разве что еле слышное тархтение дизеля из машинного отделения и тусклый свет прожектора на мачте.

– Что говорят, сколько топлива у нас осталось? – спросил я.

– Капитан сказал, еще дней на десять хватит, – отозвался матрос Леха.

– А потом?

– А потом все остановится, погаснет свет... К вечеру в каютах будет такая же температура, как на улице. Сливай воду! Конеч...

– Значит, у нас есть еще десять дней...

– Ну, вы оптимисты! – включился в разговор боцман Семен. – Какие десять дней? Пятьдесят айсбергов насчитали вокруг.

Начнут опять двигаться, будет беда... Окажемся на их пути и пойдем ко дну, может, уже завтра все закончится!

– Вот ведь какая махина! – вздохнул Леха. – Только часть снаружи, три четверти под водой. И, главное, ветер может в одну сторону дуть, а айсберг идет в другую.

– На той неделе один рядом был, буквально в метре от палубы. Рукой можно было потрогать!

– Да! И мы без движения, стоим на одном месте! Никак не увернешься! Еще немного – и раздавил бы нас, как муху прищипленную, даже не заметил...

– Удивительно, конец двадцатого века, человек в космос летает, а сюда добраться невозможно! – сказал я. – Вот и спасательная экспедиция застряла, так и не дошла до нас...

– Все, это был последний вариант, больше нет. Даже самолету несколько тысяч километров лететь от ближайшей земли. И что? Сестьто невозможно. Ни метра ровной поверхности, одни торосы вокруг!

– Тише! – поднял вверх руку Семен. – Кажется, опять начинается! Издалека приближался тревожный гул. Вздрыбленный лед, ломаясь, напирал на борта судна.

– Пошли посмотрим, что внизу!

Спустились по трапу в трюм, между собой мы называли его «преисподней».

В свете луча фонаря внутренние стальные шпангоуты «Михаила Сомова» были похожи на искривленные ребра доисторического чудовища. Страшная сила давила на металл извне, казалось, некоторые части обшивки прямо на глазах вминаются внутрь. Если корпус не выдержит, в пробоину хлынут тонны черной океанской воды и корабль пойдет на дно. Это произойдет быстро, даже не будет шансов выбраться на палубу...

Когда в дальнейшем случалось, что неблагоприятные обстоятельства складывались один к одному и вроде наступал «полный пипец», я вспоминал эти минуты и понимал, что это не так. Вот тогда был «пипец», а сейчас просто небольшое затруднение. Впрочем, на «нулевую точку» ситуация тоже не тянула, в дальнейшем встречались ситуации и покруче. Но эти дни в дрейфе всё равно стали на моей шкале везения своеобразной точкой отсчета.

когда на станции «Восток» буровая скважина ученых достигла поверхности подледного озера и Первый канал получил эксклюзивное право сделать об этом событии специальный репортаж. А я написал сценарий художественного фильма «Антарктида. На «Восток» дороги нет». Его можно найти в Интернете, но до реализации этого проекта дело пока не дошло.

Телевизионная кухня вчера и сегодня

Президентство Медведева подходило к концу. Дальнейшую стратегию должен был определить съезд «Единой России», который проходил во Дворце спорта в Лужниках.

12 тысяч делегатов форума аплодисментами встретили вышедших вместе на сцену президента и председателя правительства. Я приготовился снимать крупные планы их выступлений. Это было 24 сентября 2011 года, когда «тандем» объявил о «рокировке», то есть о намерении руководства поменяться местами.

Прошло несколько дней. Мы ждали в резиденции приезда Путина, который должен был вручить какую-то награду патриарху Кириллу к юбилею. Как всегда, Владимир Владимирович опаздывал, и когда наконец появился, лицо его было красным, а глаза злыми и колючими.

– Что случилось? – шепотом спросил я у личного оператора.

– Мы только что с боя Емельяненко в «Олимпийском». Там диктор, как всегда делается, объявил: «В зале присутствует президент России!» И представляешь, вместо аплодисментов люди вдруг стали свистеть и топтать ногами. Никогда подобной реакции не было! Я такого еще не слышал!

Освищенный Путин сунул награду Кириллу, повернулся и вышел.

А дальше были первые демонстрации протеста и Болотная площадь. «Рокировка» состоялась. Начались незаметные поначалу процессы изменения в обществе, которые так или иначе отражались на всех сферах деятельности. На телевидении стало меньше свободы, конкуренции и творчества. Не только на Первом канале, а на всех.

Постепенно менялся и сам подход к работе. Несколько лет назад, если нужно было сделать материал, скажем, на тему экономики, корреспондент брал с собой группу, выезжал, чтобы записать стендап и пару интервью по известным ему адресам из своей записной книжки. Еще несколько необходимых деталей, и сюжет, сделанный в едином стиле, готов!

Теперь же над поставленной задачей трудился целый этаж продюсеров, которые планировали массу всего нужного и ненужного, а десять групп выезжали всё это снимать. Главное, побольше, чтобы начальство не сказало, что плохо выполняем свои обязанности. Мы называли это «работой в корзину». Под «корзиной» подразумевалось некое воображаемое место, куда выбрасывались напрасно снятые кадры, неотсмотренные интервью, а в итоге все наши усилия и потраченное время.

Координация, в которой раньше работали два диспетчера, увеличилась до гигантских размеров, то же самое произошло с бухгалтерией. На теле Первого канала, как раковая опухоль, разрасталась масса контролирующих и проверяющих отделов и отделчиков, заполненных людьми, которые, по большому счету, сами ничего полезного не производили, но хорошо умели на лету схватывать указания сверху.

Отдельно взятому сотруднику отводилась роль винтика в большой и неповоротливой пропагандистской машине. Когда винтиков много, что-нибудь, как правило, норовит открутиться.

Возьмем прямые включения. Бывало, группе приходилось стоять на стендап-позиции часами. Если работа сильно растягивается во времени, всегда найдется нерадивый звукооператор или инженер трансляции, нажавший не на ту кнопку. Думаю, каждый может вспомнить серию телевизионных ляпов в прямом эфире, начиная с самых безобидных, когда корреспондент не слышит студию, а продолжает перебирать бумажки и разговаривать по телефону. Часто бывает, за его спиной возникают люди, непременно желающие попасть в кадр.

Например, классическая история с Иридой Зиниловой, пожелавшей мальчику, корчившему рожи, «идти в ж...пу». Был и такой случай – корреспонденту в наушник неожиданно врубил на запредельной громкости фрагмент выступления первого лица. «Что за хрень у меня в ухе?» – поинтересовался он, не подозревая, что его слышат все.

Я могу привести еще десятки примеров появления в эфире всякого мусора. Сколько нервных клеток безвозвратно теряется на телевидении, ведь в любой момент в трансляции может неизвестно откуда появиться голосок редактора с вопросом типа: «А синхрон Пыни уже вставили?» Или на фоне вдруг влезет в кадр довольная, улыбающаяся физиономия зеваки.

У меня были свои методы работы с толпой.

Оторвавшись от камеры, я подходил к таким субъектам и сочувственно интересовался:

– А у вас дети уже есть?

– А что? – настороженно спрашивали они.

– Может больше не быть. Видите, спутниковая тарелка? Идет излучение, пучок прямо на вас направлен. Я бы на вашем месте отошел подальше в сторону.

Работа в кремлевском пуле загонялась в жесткие рамки ограничений. Если раньше сразу после окончания мероприятия журналисты новостных агентств без промедления бросались наперегонки передавать в редакции материал – было реальное соревнование между Интерфаксом, РИА-Новостями и ИТАР-ТАСС, на

чьей ленте репортаж окажется раньше. Теперь проявить самостоятельность и излишнее рвение никто не рисковал – все стояли и ждали комментариев от пресс-секретаря. «Знаете, вот здесь Владимир Владимирович неточно высказался, давайте вообще пропустим! – расшифровывал он речь шефа. – А вот на эту часть выступления нужно обратить особое внимание!» Журналисты послушно кивали, записывая рекомендации в блокнот.

Еженедельно в администрации на Старой площади проводились брифинги, где представителям ведущих телеканалов объясняли текущую политическую обстановку и выдавали инструкции, кого следует пропиарить, а чье имя вообще запрещено упоминать в эфире.

Борьба операторов за лучшую точку тоже потеряла свой смысл. Пулы составлялись по заранее утвержденному плану. «Так, на первое лицо встает “Россия” и “личник”, – расставлял нас по местам сотрудник пресс-службы, – Первый канал на гостя, НТВ – общий план!» По окончании съемки все флешки отбирались на перегон, где принималось решение, что и когда можно будет выпустить в эфир.

Появилось понятие так называемого эмбарго, когда обнародование события откладывалось на неопределенный срок. Так возникали «консервы» – на жаргонном языке нашей профессии этим словом назывались заготовки отснятых встреч и мероприятий с участием Путина. Теперь президент мог сколько угодно отсиживаться в своих резиденциях, в то время как по телевизору крутили сюжеты с его участием. Ни у кого не должно возникать сомнений, что он трудится «как раб на галерах», ежедневно держит руку на пульсе страны.

Живое общение с людьми постепенно исчезало из программы визитов, все чаще подменялось массовой из проверенных активистов «Единой России» и переодетых сотрудников ФСО.

Случаи, когда что-то пойдет не по плану, вроде забавного инцидента, произошедшего однажды при посещении предприятия оборонной промышленности в Туле, теперь полностью исключались.

© Фото: Сергей Савостьянов/ТАСС

В цеху на фоне собираемой военной техники Путин стоял тогда в окружении рабочих и слушал доклад директора завода об успехах и достижениях коллектива. Настроение у него было хорошее, президент улыбался и охотно отвечал на вопросы. Я буквально с расстояния в один метр снимал на камеру плавно протекающую беседу. К нам бочком-бочком, как краб, стал пробираться пожилого возраста мастер в рабочей спецовке.

– Владимир Владимирович! Разрешите обратиться?!

– Да, слушаю вас!

– Я вот работаю здесь уже сорок лет! У меня два сына, оба отслужили в армии и пришли на завод в наш цех.

– Ну, какой вы молодец, у вас целая династия!

– А раз я молодец, можно мне от вас какой-нибудь сувенир получить?

– Да у меня с собой ничего нет, – пожал плечами Путин.

– Как нет? А часики? – Старый рабочий указал пальцем на его запястье, на котором поблескивали часы стоимостью, думаю, не в один миллион.

Видно было, что Путину часов жалко, он сначала натянул поверх них рукав плаща, но потом вздохнул, снял и протянул ветерану. Тут я почувствовал толчок в бок. Это был пресс-секретарь Кремля Дмитрий Песков. «Не нужно это никому видеть! Давай сюда флешку!»

Когда мы уже выходили с завода, я заметил у проходной рабочего, который стоял и рассматривал полученный подарок. К нему подошел директор завода:

– Что ж ты, гад, нас опозорил? Как же можно к президенту так обращаться!

Старик продолжал спокойно вертеть в руках часы, не замечая начальника.

– Все! Не видать тебе премии!

– Да пошел ты на... Я ведь и уволиться теперь могу!

Этот эпизод был незадолго до событий в Украине. После Крыма начались столкновения в Донецкой и Луганской областях. В нашем отделе координация стала набирать группы для отправки на Донбасс, заманивая повышенными суточными. Как ни странно, нашлись желающие отправиться в командировку на войну, но они быстро закончились.

Оператору Анатолию Кляну было 67 лет. Живой, жизнерадостный человек, увлекался рыбалкой, ездил в отпуск на Волгу под Астрахань, часто приглашал друзей к себе на дачу, на шашлыки, любил мастерить из дерева. До сих пор в отделе стоят два обеденных стола, сделанных его руками.

Летом 2014 года к нам зашел начальник службы координации Алексей Куськов. Дежурные операторы занимались обычными делами, одни читали газеты и смотрели телевизор, другие собирались выезжать на съемку. Осмотревшись, Куськов остановил свой взгляд на Толе.

– Собирайся, поедешь в Украину!

– А что, никого помоложе нет?

– А ты, наверное, на пенсию захотел? Выбирай, или командировка, или увольняйся по собственному...

Толя уехал в Донецк, и через неделю случайная пуля убила его. На стене операторской Первого канала со временем образовалась целая галерея фотографий наших ушедших из жизни товарищей.

Потом начались события в Сирии.

Под Новый год, проснувшись, я протянул руку за планшетом и открыл фейсбук. Лента пестрела черными квадратами и пронзительными строчками: «Как же так, ребята?!» Быстро переключив на новости, прочитал: «Над Черным морем в районе Сочи потерпел крушение военно-транспортный самолет Министерства обороны России, летевший с аэродрома Чкаловский в Сирийскую Арабскую Республику.

На борту находились солисты ансамбля имени Александрова, съемочные группы нескольких телеканалов...»

На Первом потеряли трех человек. Корреспондент Дима недавно переехал в Москву из Архангельска. Буквально пару дней назад мы снимали с ним материал о возведенном в Подмоскowie жилье для военнослужащих. Сюжет начальству понравился, в порядке поощрения Диму направили в зарубежную командировку. С оператором Вадиком мы еще вчера обсуждали его новую машину на служебной стоянке в Останкине. Звук-оператора Сашку привел за руку в отдел, по блату, как мужа своей дочери, инженер комплектровки Валера.

«Знаешь что, – сказала тогда моя жена, – пора подумать, а нужна ли тебе такая работа!» Я знал, что она права. Самая большая трагедия в моей семье тоже связана с телевидением. Родной брат Алеша, с которым я снял не один десяток документальных фильмов, также работал оператором в нашем отделе. Как-то на съемке он повредил ногу, и врачи, опасаясь возникновения тромбов, рекомендовали как можно скорее пройти дополнительное обследование. У него не получалось, график занятости был очень плотным. В тот роковой день он спешил в Белый дом на заседание президиума правительства. Алеша умер прямо перед его началом, у него оторвался тромб и остановилось сердце. Медики оказались бессильны.

Путин, войдя в зал заседания, сказал: «Мы должны начать с печального известия... Только что ушел из жизни оператор Первого канала Алексей Кочетков, который долгое время освещал деятельность правительства. Только что, на рабочем месте.... – добавил он. – Прошу всех почтить его память вставанием!»

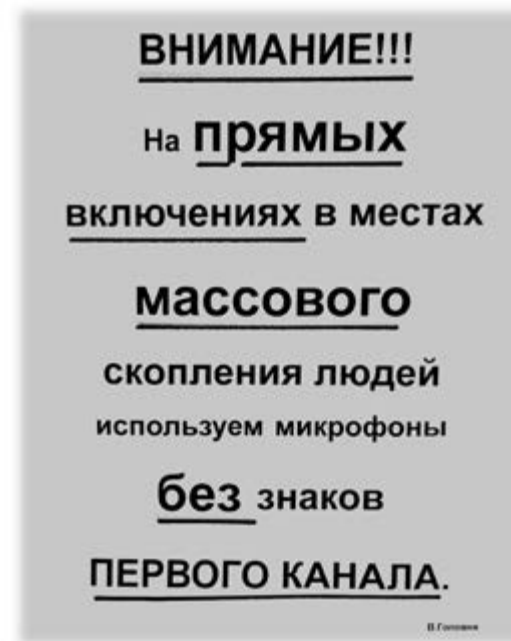
Как ни прискорбно об этом говорить, своей смертью мой брат сделал многое для сотрудников Первого канала. Испуганное начальство после похорон оплатило медицинские страховки для коллектива, пересмотрело графики в сторону смягчения нагрузки, а в Белом доме установили реанимационный медпункт с новейшим оборудованием. Но вернуть Алешу это уже не могло...

Ослабленные гайки потихоньку начали закручивать снова. На телевидение пришла новая поросль корреспондентов, в большинстве из провинциальных городов, готовых пробивать себе дорогу всеми возможными способами. Я всегда считал, что если ты можешь качественно и быстро, с минимальными издержками выполнить свою работу – это хорошо. Оказывается, нет!!! Важен не результат, а сам процесс, чтобы начальник увидел, что ты без перерыва работаешь с раннего утра до позднего вечера. Неважно, что подавляющее большинство материала идет в корзину, главное, чтобы твое усердие и преданность заметили и оценили, ну, а там уже можно надеяться на выгодную командировку или даже повышение по службе.

Так, мы ездили во Францию освещать президентские выборы с Наташей Юровой. Она мечтала работать на корпункте в Париже и к этой цели была готова переть как танк. Прямо из аэропорта мы поехали на пять или шесть съемок подряд, таскаясь по ним со всеми личными вещами, хотя, как я потом понял, несколько раз проезжали мимо отеля, где могли спокойно оставить свои чемоданы. Закончив в половине второго ночи, в семь утра мы уже ехали на машине на север Франции, снимать депрессивные в плане экономики районы. Сюжет по идее должен был склонять симпатии зрителей в сторону лидера оппозиции Марин Ле Пен, против будущего президента Эммануэля Макрона. Когда мы снимали уже тридцатое по счету интервью, после двадцатого стендапа я осторожно поинтересовался у Наташи, знает ли она, что в среднем сюжет идет всего минуты три и в него больше пары-тройки, ну пусть пяти «говорящих голов» просто физически не войдет? Она фыркнула в ответ: «В Москве должны видеть, что мы не отдыхать сюда приехали!» А на мое предложение остановиться и перекусить чего-нибудь хоть один раз за три дня сказала: «Мы же проезжали вчера заправку! Там продавались бутерброды, что ж ты себе не взял? Если не нравится, я буду звонить начальству в Москву и скажу, что ты просто не хочешь работать».

Каждый пытался выслужиться как мог. Начальник координации Куськов придумал дополнительное дежурство на случай экстренного выезда в командировку. Нужно было прийти на работу с вещами и провести весь день в бесполезном ожидании. Под вечер на смену приходила другая группа и тоже сидела на продавленном диване, моргая глазами всю ночь. За несколько лет срочные выезды можно было пересчитать по пальцам, но все были при деле. На оппозиционные митинги, которые иногда случались в Москве, съемочные группы выезжали, получив строгое указание Кирилла Заклейменова брать с собой аппаратуру без опознавательных знаков принадлежности к конкретному каналу.

К началу Олимпиады в Сочи всех сотрудников Первого приодели в разноцветные футболки, рубашки поло, шапки, ветровки и куртки с логотипом. Но теперь выезжать с камерой на Пушкинскую площадь или проспект Сахарова, надев что-нибудь из красочной униформы, дураков не было – можно было запросто получить от людей плевков в спину. Немного обидно, но понятно, что заслужили. Я отвез комплект одежды на дачу, и моя старая тетя стала выходить с лопатой почистить снег на дорожках в куртке с большой единицей на спине.

Перед выборами интенсивность работы резко возростала. Путин посещал новые объекты, московский мэр Собянин открывал путепроводы и линии метро, другие представители правящей партии старались лишний раз засветиться на телеэкранах. В один из дней президент разъезжал по Подмоскovie. Едва я успел прийти в Останкино, как сразу оказался в машине, следующей к месту очередных событий.

– Поезжайте в сторону Носовихинского шоссе, – получали мы последние напутствия от координации, – там был проблемный участок дороги, теперь уложили новый асфальт. Путин скорее всего туда не приедет, но соберите на месте хвалебные отклики в адрес «Единой России»! Все ясно? Штук двадцать – тридцать – и срочно перегоните с тарелки!

Приехав на место, я вынул камеру и поставил ее на штатив. Вокруг никого не было. Наконец увидели деда, бредущего по обочине дороги.

– Эй, дед! Иди сюда! Скажи для программы «Время» несколько слов, типа «Спасибо «Единой России» за новый асфальт»!

– Чего? Спасибо? За что? Здесь пешеходный переход был вчера. Где разметка? Машины летят как сумасшедшие! Полчаса не могу дорогу перейти!

Следующей подошла бабка. Увидев нас, зло прищурилась:

– Снимаете? Одну липу показываете. Лучше бы сняли, как вчера мою кошку задавили, изверги!

– А у меня горе-строители весь газон перед калиткой своими машинами изуродовали, тьфу! – подключилась еще одна тетка. – Сейчас школьники с уроков пойдут, как им шоссе перейти?

– Школьники тоже ничего хорошего не скажут, – предположил я, – давай перегоним что есть.

Через несколько минут раздался телефонный звонок. В трубке был слышан разъяренный голос продюсера:

– Вы что там наснимали? Где благодарность «Единой России»?

– Не знаю, люди здесь какие-то неблагодарные попадают!

– Будете сидеть там до позднего вечера, пока не наберете нужного материала!

Мы продолжали наблюдение, но местные жители, заведя издали камеру и единицу Первого канала на микрофоне, старательно обходили засаду стороной.

– Действительно, дотемна здесь застрянем, – с досадой сказал я звукооператору. Следующие с трудом добытые десять комментариев были такими же по содержанию.

– Отправляем всё подряд, чего делать?

Из редакции снова раздался телефонный звонок.

– Видимо, действительно что-то не так пошло. Звонили от губернатора Подмосковья, приедет бригада косить траву на обочинах шоссе и рисовать пешеходный переход. Снимите и срочно перегоните!

– Хорошо!

Ремонтники прибыли на место через полчаса. На черном асфальте стали появляться белые полосы пешеходного перехода. В обе стороны на шоссе выросла гигантская пробка. Водители стоящих машин зло сплевывали на асфальт и бросали бычки в открытые окна.

– Думаю, нужных слов от них мы тоже не услышим.

Из редакции раздался последний звонок:

– Возвращайтесь, сюжет уже сверстан. От вас ничего не нужно. Сгоните снятое в архив.

– Какое название дать материалу? – спросил меня напарник.

– Так и заполняй: «Жители говорят спасибо “Единой России”». А то на той неделе кто-то из наших в графе «содержание съемки» написал «Всякая хрень» и лишился десяти процентов от зарплаты!

Один раз по окончании пресс-конференции, на которой представители московской мэрии пытались объяснить пользу для жителей города от массового введения платной парковки на улицах и выделенных полос для общественного транспорта, я подошел к докладчику:

– Можно задать один вопрос? Не для эфира.

– Пожалуйста!

– Скажите, а зачем на Звенигородском шоссе отдельная полоса? Там автобус ходит раз в час, а люди, кто едет за город, особенно в пятницу вечером, стоят в глухой пробке!

– Что ж тут удивляться? Все просто! Чем вам хуже, тем нам лучше!

– Извините, не понял.

– А чего тут понимать? Станете меньше ездить, переседете на общественный транспорт, наши доходы увеличатся, на дорогах станет свободнее.

Несмотря на все новшества, заторы на улицах города никуда не исчезли, особенно в периоды массовой замены бордюрного камня. Наверное, каждого москвича интересует вопрос: «Зачем так часто нужно это делать?» Остается предположить, что существует какая-то специальная сезонная коллекция бордюров и летние необходимо обязательно поменять на новые, зимние.

Мы направлялись в Кремль снимать рабочие встречи президента и уже больше часа стояли без движения на Цветном бульваре. Выехали из Останкина сильно заранее, поэтому поначалу не особо волновались. Однако время шло, а ситуация на дороге не становилась лучше.

– Всё! Надо бежать! Пару остановок на метро до Александровского сада, а там через ворота у Кутафьей башни проскочим!

Съемочная группа Первого канала, обвешанная аппаратурой, спустилась в вестибюль станции. Дежурная у эскалатора бросила подозрительный взгляд на запыхавшихся людей с мокрыми от пота лицами.

– У меня как раз в кармане завалилось несколько жетонов на метро, – сообщил оператор Сережа Григорян.

– Да ты ж только на машине ездишь! Когда последний раз под землю спускался? Нет уже давно жетонов, теперь магнитные карточки! – удивился я.

– Всё, некогда болтать! Опаздываем! Эй, дамочка! – Григорян сунул дежурной в униформу с красной шапочкой на голове жетоны. – Нам в Кремль надо срочно к Путину! Давай открывай быстро турникет!

После пронзительного свистка появился наряд полиции, которому пришлось показывать удостоверения и объяснять, что нам не нужна срочная психиатрическая помощь, на которой настаивала представительница метрополитена, а мы действительно используем последний шанс, чтобы не опоздать к президенту.

Передачи Первого канала начинались с программы «Доброе утро», где вещание ведущих из студии обычно разбавлялось подборкой местных новостей и роликами на мелкие бытовые темы. Для девочек из координации возникали обширные возможности скрасить свои трудовые будни своеобразным подбором состава съемочных групп. Так, на рассказ о жаркой погоде и обилии насекомых назначали операторов Мухина и Комарцева, а на сюжет о начале сезонной продажи клубники в Москве – Черешко и Вишневого. А когда в графике командировок появлялись фамилии направляемых во Францию на ежегодный показ мод, все с удовольствием слушали возмущенные крики «избранных»: «Ну почему опять я! За что? Не хочу в Париж!!!»

Здесь следует пояснить, что против Парижа, как города, никто ничего не имел, просто условия работы были ужасными – с семи утра до полуночи нужно было торчать с камерой у подиума, снимая проходы моделей, а вместо обеда бегать за известными модельерами, чтобы заполучить интервью о нарядах к новому сезону. Ночевали в общежитии, где добраться до кровати из-за отсутствия пространства можно было только ползком, распластавшись по стенке номера. «Да что ж это такое! – особенно эмоционально воспринимал назначение звукооператор Руслан Мещеряков. – Других, что ли, нет? Ёксель-моксель, парадокс какой-то! Два года назад ездил, в прошлом году ездил, и вот опять! Достали этим Парижем! Не хочу больше!!!» Проходящие по останкинскому коридору мимо операторской, услышав эхо его возмущенных криков, видимо, думали, что народ на канале окончательно обнаглел.

Трансляции Первого велись во всех бывших республиках Советского Союза. Местное население, особенно где-нибудь в Средней Азии, часто объединяло все передачи в одну. В пятницу после «Поля чудес» шла программа «Время». Завидев на аппаратуре логотип канала, зеваки доставали наши съемочные группы просьбой «передать привет», как это делалось у Якубовича за игровым столом.

Однажды, приехав в Астану на очередной форум ЕАЭС, мы вышли на улицу поснимать несколько планов города к вечернему сюжету. Не успел я поставить камеру на штатив, рядом уже собралась небольшая группа зрителей. От нее отделились два человека и подошли к нам.

- Скажите, пожалуйста, а вы Якубовича в Москве видите?
- Леонида Аркадьевича? Конечно, каждый день на проходной в Останкине сталкиваемся. Все время вперед нас хочет проскочить! Надоед уже!
- О-о-о!
- Что? Хотите привет семье передать?
- Да! – широко заулыбались разомлевшие от привалившего счастья казахи.

- Давайте, быстро! Только ближайшим родственникам!
- Все равно не отстанут, не дадут ничего снять, – шепнул я своему помощнику, – дай им микрофон с единицей.
- Большой привет папе Азамату и маме Аруджан! Дяде Бахыту из Алма-Аты...
- Стоп! Я же сказал, только близким можно!
- Дяде Бахыту обязательно! Я заплачу сколько надо! – Человек достал бумажник.

– Всё! На сегодня лимит передачи приветов закончен! А теперь не мешайте нам работать!

Вечером мы вспомнили эту историю и еще раз посмеялись над ней. А кто-то из нашей группы то ли в шутку, то ли всерьез предложил:

– Что-то грустно стало на Первом канале работать! Может, лучше уволиться и отправиться на гастроли собирать приветы для Якубовича?!

– А что? Запросто можно прокормить семью! Еще и подарки в студию будут!

После выборов 2018-го власти объявили о предстоящей пенсионной реформе. Сделано это было под шумок, под прикрытием начавшегося чемпионата мира по футболу. Чтобы успокоить всколыхнувшееся общественное мнение, на телевидении была запланирована серия сюжетов.

Мы приехали в институт Склифосовского и уже битый час сидели у главного врача, который должен был найти кандидатуру для интервью, кто был бы готов оценить реформу положительно. К нему периодически заходили доктора в белых халатах, из кабинета доносились крики:

- Ну почему я? Да мне люди в глаз плюнут после этого!
- И я не буду! Сами говорите такое!
- Пять лет пенсии украсть! Да вы что!
- Я отказываюсь, можете меня уволить!

Наконец жертва была найдена. Печальный доктор, стоя перед камерой, произносил заученный текст:

– Очень правильная реформа! Куда мне на пенсию? Мне еще работать и работать, нужно передавать опыт молодым.

– Мог бы работать и пенсию получать, – шепотом прокомментировала секретарша главврача. – А теперь бесплатно будешь! Тьфу!

А еще мы часто выезжали на брифинг в Министерство обороны. Журналисты, пройдя запутанными коридорами в Ситуационный зал, наблюдали на больших экранах карты Ближнего Востока и слушали «говорящую голову», рассказывающую об обстановке в Сирии. В конце лета речь шла в основном о предстоящем учебном годе: сколько восстановлено дорог и больниц, сколько построено новых школ и сколько юных сирийцев сядут в этом году за парты. Когда в занудном докладе случайно образовалась небольшая пауза, весь зал случайно услышал неизвестно кем сказанную громким шепотом фразу: «Так вот куда наши пенсии ушли!»

Весной, как только сошел снег, начиналась подготовка к ежегодному параду 9 Мая. В военной части в подмосковном Алабине был сооружен специальный полигон с габаритами и разметкой в точном соответствии размерам Красной площади в Москве. Не знаю зачем, но все этапы подготовки обязательно освещались в выпусках «Новостей». Съёмочные группы затемно выезжали в военную часть, где с раннего утра маршировали, отрабатывая шаг, участники предстоящего парада.

После ряда прогонов назначалась генеральная репетиция, и майские перекрытия доставляли, конечно, массу неудобств москвичам. Следом подключалась военная авиация. Маршрут пролета самолетов от аэродрома Кубинки до центра Москвы пролегал вдоль Ленинградского проспекта, где рядом с метро «Аэропорт» находилась, к сожалению, моя квартира. Нет, район-то отличный и всегда мне нравился, за исключением нескольких мгновений, когда армада истребителей пролетала буквально в десятках метров от крыши жилого дома. Попутай Чика тогда

со страха падал с жердочки на пол, а собака Маруся оставляла на паркете большую кучу.

А в начале августа, на День Военно-морского флота, замирала жизнь уже в Санкт-Петербурге, где регулярно стала проводиться водная часть парада.

Чтобы поддерживать рейтинг власти, пробовали разные форматы телепередач. Был и такой: несколько дней подряд принимались телефонные и видеозвонки от народа, а потом Владимир Путин в прямом эфире отвечал на них. Для этого на задворках Останкинской башни монтировали специальный колл-центр для обработки сообщений.

Привлеченные к работе студенты в наушниках сидели за многочисленными рядами компьютеров, между ними располагались операторы с камерами в надежде записать подходящие для эфира слова. Сделать это было сложно, так как звонки делились на три группы. В первую попадали явно нездоровые психически

люди и хулиганы школьного возраста, которые, позвонив с чужого телефона, говорили: «Путин дурак!», показывали язык и вешали трубку. Во второй преобладали извечные вопросы типа «Доколе это будет продолжаться?» и «Какого хрена?». К третьей группе относилось все, что можно объединить одной фразой «Дайте денег!»

У выпуска новостей Первого канала оставались еще две излюбленные темы – прогноз погоды и комментарии экспертов, в основном по поводу Украины. Я не понимал, откуда они взялись в таком количестве? Когда собирали аппаратуру после очередной съемки, прослушав в который раз про нехороших американцев и подозрительные лаборатории, создаваемые с их помощью в Украине, прямо спросил у интервьюированного, не буду называть имени:

– Вы-то сами во все это верите?

– Ну, верю или нет, какая разница, – эксперт убедился, что камера выключена. – Между нами, квартиру вот в Москве получил, да и платят неплохо...

Съемки погоды были самыми безобидными. Летом, как и полагалось, стояла жара, осенью шел дождь, а зимой снег. У каждого оператора уже появились излюбленные места, где были самые глубокие лужи, красочные желтые листья и высокие сугробы. Пытаясь внести разнообразие, редакция иногда просила поснимать со звуком комментарии москвичей. Помню, после очередного снегопада остановил перед камерой маму с мальчиком лет пяти:

– Смотри, сколько пушистого снега выпало! Тебе нравится снег? Ты, наверное, любишь на санках кататься?

– У меня нет санок! – трагическим голосом сказал мальчуган, и по его щеке скатилась слеза.

Как ни странно, этот кадр вошел в вечернюю программу «Время».

В конце декабря в ленту новостей обязательно вставляли сюжеты, создающие у зрителей праздничное настроение. Мы всегда

снимали начало работы новогодних базаров и ярмарок, заливку и открытие ледовых катков и, обязательно, выбор и доставку из Подмосковья в Кремль главной елки страны. Однажды получил следующее задание: «Поезжайте в сад имени Баумана, там открылась почта Деда Мороза. Пишут, что пользуется большой популярностью. Нужно снять лица счастливых детишек, которые несут ему письма. Поспрашивайте, какие подарки хотят получить к празднику! Интервью с самим Дедом обязательно, в общем, чего говорить, сами всё знаете!» И продюсер повесил трубку.

Народу в саду было немного, ярко светило солнце и немного покусывал за щеки мороз. Мы тщетно пытались найти расположение здания почты, но все опрашиваемые ничем не могли нам помочь. Наконец повезло. Дворник, посыпаящий песком пешеходные дорожки, согласился показать дорогу.

– Вот, смотрите! – Он указал варежкой на одиноко стоящий столб с прикрученным к нему почтовым ящиком.

– Это что такое? А где же Дед Мороз?

– Нет тут никакого Деда Мороза! Кто ж вас сюда отправил?

Я снял общий, средний и крупный план ящика. Больше снимать было нечего. Подождали полчаса, к столбу никто не приближался.

– Давай хоть я сниму твою руку, которая опускает письмо в щель, – предложил я звукооператору.

– Где ж мы возьмем конверт? Хотя у меня есть бумажная заявка на съемку!

– Пустую опускать нехорошо. Пиши на обратной стороне: «Здравствуй, Дедушка Мороз! – начал диктовать текст обращения. – Пишут тебе сотрудники Первого канала. Вот уже много лет нам не поднимают заработную плату, хотя мы не хулиганим и ведем себя хорошо! Передай нашу просьбу куда надо!»

– Всё? – спросил он, пытаясь дыханием отогреть замерзающую пасту шариковой ручки. – Или что еще добавить?

– Да, мелковатая просьба получилась... Напиши еще: «За мир и гармонию во всем мире!»

Увы, пожелания не сбылись.

Весной 2020 года наступили ковидные времена. Останкино сильно изменилось, везде повесили санитайзеры для обработки рук, в коридорах появились баррикады из закрытых на ключ дверей, заклеенных крест-накрест изоляционной лентой. Стало нельзя ходить без масок и свободно перемещаться по Телецентру.

Президент тоже сократил свой график, а регламент проведения съемок изменился. Теперь перед тем, как оказаться на одном с ним мероприятии, всем полагалось пройти обязательную вакцинацию и карантин с двухнедельной отсидкой в «Президент-отеле» на Якиманке в центре Москвы с многократной сдачей анализов.

Отгуляв накопившиеся отпуска, я написал заявление об уходе. Мне не пришлось участвовать в обнулении президентских сроков, последующих выборах и в освещении так называемой специальной военной операции.

Теперь слежу за происходящими событиями отстраненно, с дистанции.

Послесловие

Есть такое распространенное выражение «Не дай вам бог жить в эпоху перемен!» – фразу приписывали китайскому мыслителю Конфуцию. Понятно, что человеку не очень комфортно жить в постоянно меняющемся мире. Особенно если перемены идут не с той скоростью, на которую ты надеешься, а случается, не в том направлении.

Примерно о том же говорил брат бывшего президента США Роберт Кеннеди: «*May you live in interesting times!*», что буквально переводится: «Чтоб вы жили в интересные времена!» Звучит как не совсем доброе пожелание, но «интересные» для меня означает разные – и хорошие, и плохие, главное, не скучные.

Мне нравилась моя работа, которая давала возможность многое увидеть и рассказать об этом. Я благодарен семье, с пониманием принимавшей все сложности и издержки профессии, жене Саше, которая терпеливо разделяла мои муки творчества, читая многочисленные варианты написанного, сыновьям Александру и Степану за помощь и поддержку, а также всем моим родным.

Считаю, что все-таки в этой жизни важнее не времена, а люди, которые прошли вместе со мной все испытания, выпавшие на нашу долю. Многих уже нет, но я всегда буду их помнить. Другие продолжают работать, и, когда мы встречаемся, нам всегда есть что обсудить из прошлого, настоящего и будущего.

Когда они прочитают эти «мемуары», будет много вопросов, почему я написал именно об этих эпизодах, а не о других, о которых, по их мнению, обязательно должен был написать. Согласен, этот вариант не окончательный, в него вошла совсем небольшая часть историй, о многом еще говорить рано или пока небезопасно, что-то мог упустить, о чем-то забыть. С готовностью выслушаю все советы и дополнения, которые можно будет включить в следующие издания.

Содержание

От автора	Прямое попадание
7	92
Полюс первый, Южный. Точка отсчета	Кремлевский пул: первые шаги
8	97
«Открытие Антарктиды»	На рубеже тысячелетий. Чечня
10	100
Внутри континента	2 февраля 2000 года. Штурм Грозного
16	108
Эвакуация. Всё не по плану	Будни кремлевского пула
21	119
Специальная спасательная экспедиция	Операция по подъему подводной лодки «Курск»
24	126
Снова на «Сомове»	Горячие точки: Афганистан
29	128
Центральная студия документальных фильмов	Кто финиширует первым?
34	133
Полюс второй, Северный	Наш корпункт в Кабуле
41	144
Полярная ночь на льдине	Кремлевский пул: как это работает
45	156
Год 1989-й. Вояж в Латинскую Америку	Горячие точки: Кувейт
50	164
Подарок из Манагуа	Операция «Шок и трепет»
57	176
«Лихие девяностые».	Кремлевский пул:
Вспоминаю операторское ремесло	в калейдоскопе приемов, встреч, стран и городов
64	181
Стандарты западного телевидения	Преимущества
68	196
Две недели в осажденном Белом доме	Документальное кино на Первом
76	206
До свидания, Рейтер!	Телевизионная кухня вчера и сегодня
83	214
Программа «Время» времен Березовского	Послесловие
86	238
Горячие точки: 1999 год. Югославия	
88	